

Анна Завгородняя

ТАЙНА ТРЕХ ЗЕРКАЛ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Завгородняя, Анна Александровна.

3-13 Тайна трех зеркал / Анна Завгородняя. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Кружевные убийства. Элегантное расследование).

ISBN 978-5-04-225330-0

Окончив академию магии, княжна Елизавета Вяземская поступает на практику в отдел по расследованию темных дел. И в то же время выясняется, что покойный дядюшка оставил ей в наследство родовое поместье. Да еще друг детства совершенно неожиданно предлагает княжне выйти за него замуж...

Но как можно думать о свадьбе, когда в городе происходит убийство за убийством? Преступник сжигает магией своих жертв и оставляет от них только горстку пепла. И единственный подозреваемый — это... тень!

Но хуже всего то, что эта тень связана с Елизаветой. Оказывается, в поместье у дядюшки есть тайный кабинет, а в нем хранится непростое зеркало, в котором можно увидеть таинственную тень-убийцу. И где-то в городе спрятаны еще два зеркала, на которые зло уже начало охоту...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225330-0

© Завгородняя А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

В кабинете дядюшкиного душеприказчика пахло табаком, вишней и еще какими-то сладкими ароматами. Сам господин Ростоцкий, важный, в дорогом костюме и при модном пышном галстуке, дочитывал последние строки заветования. Помимо его монотонного голоса, было слышно, как тикают часы на каминной полке и как непоседливый мелкий дождь стучится в окно, словно желая присутствовать при оглашении последней воли князя Вяземского. И несмотря на то что посторонние звуки меня отвлекали, самые важные аспекты документа я успела понять и принять.

Когда душеприказчик закончил читать, он поправил очки, съехавшие на нос, и внимательно посмотрел сначала на моих родителей, а затем и на меня.

— Вот таковы условия вступления в наследство, — проговорил служащий и положил документ, после чего опустился в кресло и, облокотившись на стол, таинственно улыбнулся.

— Ну Петруша, ну братец! Ну услужил! — проворчал мой отец. — Нет, у нас достаточно своих денег, чтобы не ввязаться в подобную авантюру. У Лизоньки будет хорошее приданое и без денег Петра.

Они с матушкой переглянулись, уверенные в своем решении, но тут я решила вступить в разговор.

— Дорогие мои родители, я вас обоих уважаю и люблю, но прошу позволить мне самой решать, вступать в наследство или нет. Все же дядюшка Петр Феокистович завещал все мне, а не вам. — Я мило улыбнулась, уже догадываясь, какое сопротивление встречу от родных, поэтому, прежде чем мама успела высказать свое мнение, добавила: — Смею вам напомнить, что я уже совершеннолетняя и вполне могу принимать подобные решения. И я хочу этот дом!

Матушка ахнула, а отец сдвинул брови, хмурясь, как делал всегда, когда начинал злиться.

— Старый болван! — не вытерпел батюшка, помянув брата недобрым словом.

Он резко поднялся из-за стола и посмотрел на душеприказчика, словно тот виновен в произошедшем. Стоит отметить, что господин Ростоцкий с честью выдержал взгляд князя и лишь передернул плечами. Я невольно зауважала служащего, потому что мой отец умеет смотреть так, что коленки начинают трястись. Матушка не единожды говаривала, что мне достался отцовский взгляд, излишне пристальный, изучающий. Такой взгляд, словно видишь человека насквозь. Не каждому придется по нраву, когда на него смотрят столь прямо.

— Увы, ваша светлость. Чтобы получить наследство, вашей дочери надо выполнить все условия, — проговорил Ростоцкий.

— И переехать в этот кошмарный дом! — ахнула мама и закатила глаза, откинувшись на спинку кресла.

— Господин Ростоцкий, — взяв себя в руки, сказал отец, обращаясь к душеприказчику, — позвольте нам до-

ма обсудить данный вопрос. Мы передадим вам ответ уже завтра.

Я мысленно улыбнулась. Таков мой отец. Надеется, что сможет заставить меня передумать. Но нет. У меня — его твердый характер, и я не передумаю.

— Батюшка, — как можно спокойнее произнесла я, — ничего ждать не надо. Я все решила и принимаю все условия.

Отец сверкнул глазами, а мама потянулась ко мне. В ее взгляде было так много слов, но я знала, что здесь, в присутствии постороннего, она не решится высказать мне то, что думает. Однако, когда мы окажемся наедине в экипаже, придется собрать всю силу воли, чтобы остаться при своем мнении. Снова начнутся упреки, возможно, даже прольются слезы... На меня это уже не действовало. Я отлично знала матушку и ее талант манипулировать с помощью слез и давления на жалость. С батюшкой подобное проходило, но не со мной. Я ведь тоже женщина и знаю все эти маленькие хитрости.

— Я подпишу все сегодня, — сказала я спокойно и встала.

Ростоцкий, улыбнувшись, кивнул и подал мне перо и чернила. Матушка тут же начала причитать, отец заворчал, а я взяла перо и принялась читать документ, чтобы ознакомиться со всеми его пунктами. Не привыкла я подписывать то, что предварительно не изучила. Лишь удостоверившись, что бумаги в порядке, я подписала и оригинал, и копию, после чего вернула перо душеприказчику и, поблагодарив его, обернулась к родным.

— Вот и будешь жить там сама, — обиженно сказала матушка. — Я ни ногой в этот дом!

— Буду, — ответила я ей с улыбкой и, поправив перчатки, кивнула Ростоцкому.

Душеприказчик дядюшки поклонился в ответ, и мы попрощались с ним, после чего покинули кабинет и направились к лестнице, ведущей на первый этаж.

На улице нас ожидала карета. Кучер, дядюшка Платон, поспешил слезть с козел и распахнул перед нами дверцу экипажа. Первой в салон забралась матушка. Затем отец подал руку мне, но при этом ухитрился одним взглядом выразить недовольство. Я же улыбнулась ему в ответ и, устроившись напротив мамы, приготовилась выслушать родителей.

— Платон, трогай! — велел отец.

Захлопнув дверцу, он сел рядом с матушкой, и, едва карета тронулась с места, оба, словно сговорившись, посмотрели на меня.

— Ну и что это было, Лизонька? — тут же начала матушка.

Тон ее был обманчиво вкрадчивый. Но мне не впервой. Знаю, что она может за секунду превратиться в слезливую даму, а затем так же быстро стать твердой, как камень, просто настоящей княгиней Вяземской, урожденной Мордвиновой.

— Что ты имеешь в виду, матушка? — осведомилась я с милой улыбкой.

— Все это. И наследство в том числе.

— И мы еще не обсудили твою практику, — не удержался отец.

Да. Практика и наследство — две темы, которые очень волновали мою семью. Матушка, конечно же, мечтала, чтобы я устроилась секретарем к графу Лесинскому и весь год только и делала, что писала да переписывала его доклады с заседаний совета. Что и говорить, спокойное времяпрепровождение. А я возьми да выбери отдел по расследованию темных дел! Да ни одна благородная барыш-

ня, будучи в здравом уме и твердой памяти, не выберет этот отдел! По крайней мере, так предполагала мама.

Вот как им объяснить, что мне хочется делать что-то нужное? Что с моим даром просто позор просиживать на месте секретаря? Что это, можно сказать, мое призвание? Неужели я напрасно потратила семь лет жизни на академию, чтобы потом стать обычной домохозяйкой? Нет! Я хочу большего!

И если с практикой родители пусть и не смирились, но пытаются сделать это, то с наследством дядюшки Петра Феоктистовича все обстояло иначе.

— Дорогие мои матушка и отец, — начала я. — Практика — дело решенное. Сам барон Станислав Лехно выбрал меня, я просто не могла отказаться. А наследство... ну посудите сами. Дядюшка не просто так оставил его именно мне. Думаю, он знал, что делает.

— В этом доме уже добрый десяток лет никто не жил, — тихо и немного мрачно сказал отец. — Сам Петя и тот обходил его стороной. И вот теперь он оставил его тебе. Уму непостижимо!

— Девица в твоём возрасте должна мечтать о молодом муже и о детках, — заявила мама. — Я так надеялась, что ты окончишь академию и остепенишься, что подаришь нам с отцом внуков!

— Маша скоро их вам подарит, — заметила я осторожно.

Мария — моя младшая сестра, девушка на выданье. И характером мила, и красотой боги не обделили. Но матушку так просто не отвлечь.

— Я за Машеньку не беспокоюсь. А вот ты, моя старшая дочь, вызываешь опасения.

Матушка продолжала говорить, когда наш экипаж неожиданно остановился. Я едва не налетела на отца. Пла-

тон тут же на кого-то зычно крикнул, и я, не удержавшись, открыла окно и выглянула наружу. Стояли мы на узкой улочке, а дорогу нам преградил огромный черный экипаж.

— Здесь слишком узко, — сказала я, глядя по сторонам. — Нам не разъехаться.

Кажется, Платон, решив сократить дорогу, повез нас через квартал ремесленников, который обычно в это время дня всегда пустует. Улочки здесь сплошь длинные да узкие. Здесь и двоим всадникам не проехать, не то что двум экипажам.

— Эй ты, сдавай назад! — крикнул Платон и взмахнул хлыстом. — Чего гнал коней, словно за тобой нечисть какая несется? У меня господ перепугал! Чай, не картошку-то везу, а?

— Сам сдавай! — последовал ответ от возницы черного экипажа. — А не сдашь, так я сейчас слезу и кнутом тебя по спине приголублю, холоп несчастный!

— Кто там такой нелюбезный? — спросил мой отец и, решительно распахнув дверцу, выбрался из салона.

В обычное время батюшка и не подумал бы покидать карету. Он всегда предоставлял вознице разбираться с подобными делами. А тут, видимо, моя практика вкупе с наследством сыграла свою роль. Платон хотел было последовать за хозяином, но он лишь рукой взмахнул и велел кучеру оставаться на месте.

— Павлуша, куда ты? — ахнула мама, но отца уже было не остановить.

Он направился прямо к экипажу, чеканя шаг с выправкой военного офицера. Переступив через серую неприглядную лужу, отец решительно подошел к черному экипажу и, запрокинув голову, довольно резко произнес:

— Эй, любезный, приструните своего человека! Проявите уважение!

Прошла секунда, прежде чем дверца черного экипажа распахнулась и из дорогого салона вышел человек. Он встал на ступеньку и, взявшись рукой за дверцу, взглянул на моего отца сверху вниз. Я в это время посмотрела на него, высунувшись из окна почти до талии.

— Лизонька, сядь, — попросила мама.

Прежде чем послушно вернуться на место, я успела рассмотреть высокого молодого мужчину, одетого во все черное. У него была непокрытая голова, а костюм выдавал иностранца. Я успела заметить, что у незнакомца широкие плечи и черные как смоль короткие волосы. Кожа у мужчины смуглая, а на лице выделяются яркие синие глаза. А еще (возможно, мне, конечно, и показалось) у него были усики. Тонкие и, на мой взгляд, противные. Я вообще не люблю мужчин с растительностью на лице. Вот никогда не выйду замуж за бородатого или усатого!

— Что там происходит? — спросила матушка, когда я спокойно вернулась на свое место, предоставив отцу разбираться с хозяином наглого кучера.

Пусть отведет душеньку. Мне же потом будет легче.

— Не знаю, — ответила я маме.

Она наострила уши. Выйти из экипажа следом за супругом ей не позволяли приличия, но любопытство оказалось сильнее, поэтому маменька немного придвинулась к окну и осторожно выглянула наружу. Я подавила улыбку, когда услышала голос незнакомца.

— Урош, извинись. Где твои манеры?

Голос оказался приятным, с такими бархатными нотками, что я почти простила этому незнакомцу его усики.

— Простите, господин, — прозвучал недовольный голос.

— Возвращайтесь в экипаж, сударь, — сказал обладатель бархатного голоса. — Мы немедленно уступим вам дорогу.

Матушка удивленно изогнула брови и покосилась на меня.

— Иностранец, — заявила она с важным видом. — Павлуша уже возвращается.

— Джарганец, — зевнула я, прикрыв рот ладошкой.

— Почему ты решила, что джарганец? — спросила матушка, но в этот момент, перебравшись через лужи, к карете подошел отец.

Он отмахнулся от Платона, который хотел спуститься и открыть перед ним дверцу, и, забравшись в салон, занял свое место, недовольно сверкнув глазами.

— Вот даже поругаться нормально не получилось! — вздохнул отец. — Что за день...

Я отвела глаза, с трудом удержав улыбку.

Еще несколько минут мы стояли, пока огромный экипаж вежливого незнакомца с усами сдавал назад, затем тронулись. Стало слышно, как копыта разбивают воду в луже и стучат по каменной дороге. А еще спустя минуту мы разъехались с черной каретой во дворе между ремесленными мастерскими. За темными окнами экипажа нельзя было разглядеть того, кто находился внутри, зато я успела увидеть недовольного возницу, бородатого крепыша в черном кафтане.

Спокойно отвернувшись, я посмотрела на отца.

— Павлуша, на тебя это не похоже! — попеняла маленька супругу. — Надо было позволить Платону разобратся с наглецами!

Отец покашлялся, прочищая горло, и ответил:

— Нервы, дорогая. С кем не бывает.

— А этот незнакомец оказался очень вежливым господином, — продолжала мама. — Лиза предположила, что он джарганец.

Отец кивнул:

— Так и есть. Он выглядит как чужак. И этот акцент... очень легкий, но я его уловил.

— Надо же, теперь джарганцы заполнили нашу столицу. Скоро ступить будет некуда. С тех пор, как наши государства стали союзниками, эти северные варвары едут сюда и едут. И что им на севере не живется?..

— Ну, — протянул отец, — я бы не сказал, что этот господин из черного экипажа такой уж варвар.

— Ах, оставь, дорогой! Всегда были и будут исключения! — отмахнулась маменька, которая искренне считает народ Джаргана дикими варварами, погрязшими в Средневековье.

В чем-то я с ней согласна, в чем-то — нет. Со мной на курсе по темной магии учился один джарганец, кстати, очень здравомыслящий и талантливый молодой студент. Ему даже предлагали здесь практику и работу, но, окончив академию, он вернулся на родину, решив, что там будет нужнее со своими даром и талантами.

Я мысленно обрадовалась, что родители отвлеклись от темы наследства и моей практики, но радоваться пришлось недолго.

— Итак, Елизавета, теперь мы поговорим, — произнес папа и важно взглянул на меня.

— Может, поговорим, уже когда приедем домой? — предложила я.

— Нет, не уходи от ответа, — коварно улыбнулся отец. — Я знаю, на что ты рассчитываешь. Думаешь, что, пока мы в дороге, я успею успокоиться и смирюсь?

Отрицательно покачав головой, я приготовилась к неизбежному.

— Итак, начнем с наследства. Ты хоть представляешь себе, во что ввязалась? Зачем тебе этот проклятый дом, Елизавета?

— Скажем так, мне интересно, какие тайны скрывает родовое гнездо князей Вяземских, — ответила я.

— Лиза, это не шутка. Над домом тяготеет нечто плохое. Неужели ты не понимаешь, что просто так подобное здание не будет стоять закрытым на протяжении долгих лет? — проговорил отец уже серьезно. — Впрочем... — без паузы добавил он и, привстав, постучал по стене экипажа.

— Тпру! — Тут же натянув вожжи, Платон остановил лошадей и зычно крикнул: — Что такое, ваша светлость?

— Платон, — раскрыв окошко, громко обратился к нему отец, — будь-ка любезен, сверни на улицу Мира.

Если кучер и удивился, то ничего не сказал. Сделал, как было велено, и вскоре мы под удивленным взглядом матушки и спокойным взором отца, изменив курс, ехали напрямик туда, где стоит заброшенный дом нашего рода.

* * *

Огромное здание, в котором располагается отдел по расследованию темных дел, возвышается над улицей мрачным монументом. И черный экипаж, остановившийся перед центральным входом, как ничто другое, отлично вписался в общий фон дома. Прохожие, в основном государственные служащие, сразу обратили внимание и на карету с серебряным гербом, и на человека, вышедшего из нее.

Высокий, с черными волосами, широкоплечий и одетый не по столичной моде. Сказав что-то своему кучеру

на чужом грубом языке, мужчина окинул быстрым взглядом фасад здания и решительным твердым шагом направился к двери.

Служащий, дежурящий на входе, почтительно поклонился.

— Господин? Вы к кому? Вам назначено?

Темноволосый смерил дежурного спокойным взглядом и, показав удостоверение, тут же был пропущен внутрь. Служащий проводил его взором и снова застыл у входа, вытянувшись по струнке.

Внутри незнакомца встретил холл с высокими потолками и лестница, достаточно широкая, чтобы по ней одновременно могли пройти десяток человек. Мужчина поднялся на этаж выше. Служащие, перемещающиеся по зданию, не обратили на него ни малейшего внимания, и чужак, застыв на площадке второго этажа, выбрал путь через левый коридор, который вывел его к высокой двери с замысловатой ручкой в виде медвежьей лапы.

Постучав и получив разрешение, темноволосый вошел внутрь и огляделся. Он оказался в просторном, залитом светом помещении, явно нуждающемся в уборке. Везде, где только можно, стояли книги и лежали папки с документами. Они теснились на полках, громоздились на столе из черного дерева, высились пирамидами на небольшом диване и занимали два стула из четырех, стоящих у стола.

Хозяин кабинета, высокий мужчина с пронзительным взглядом серых глаз, внимательно посмотрел на гостя, который, в свою очередь, взирал на хаос в помещении.

— Милош! Вы почти не опоздали, — проговорил хозяин кабинета и, достав из нагрудного кармана золотые часы на цепочке, проверил время.